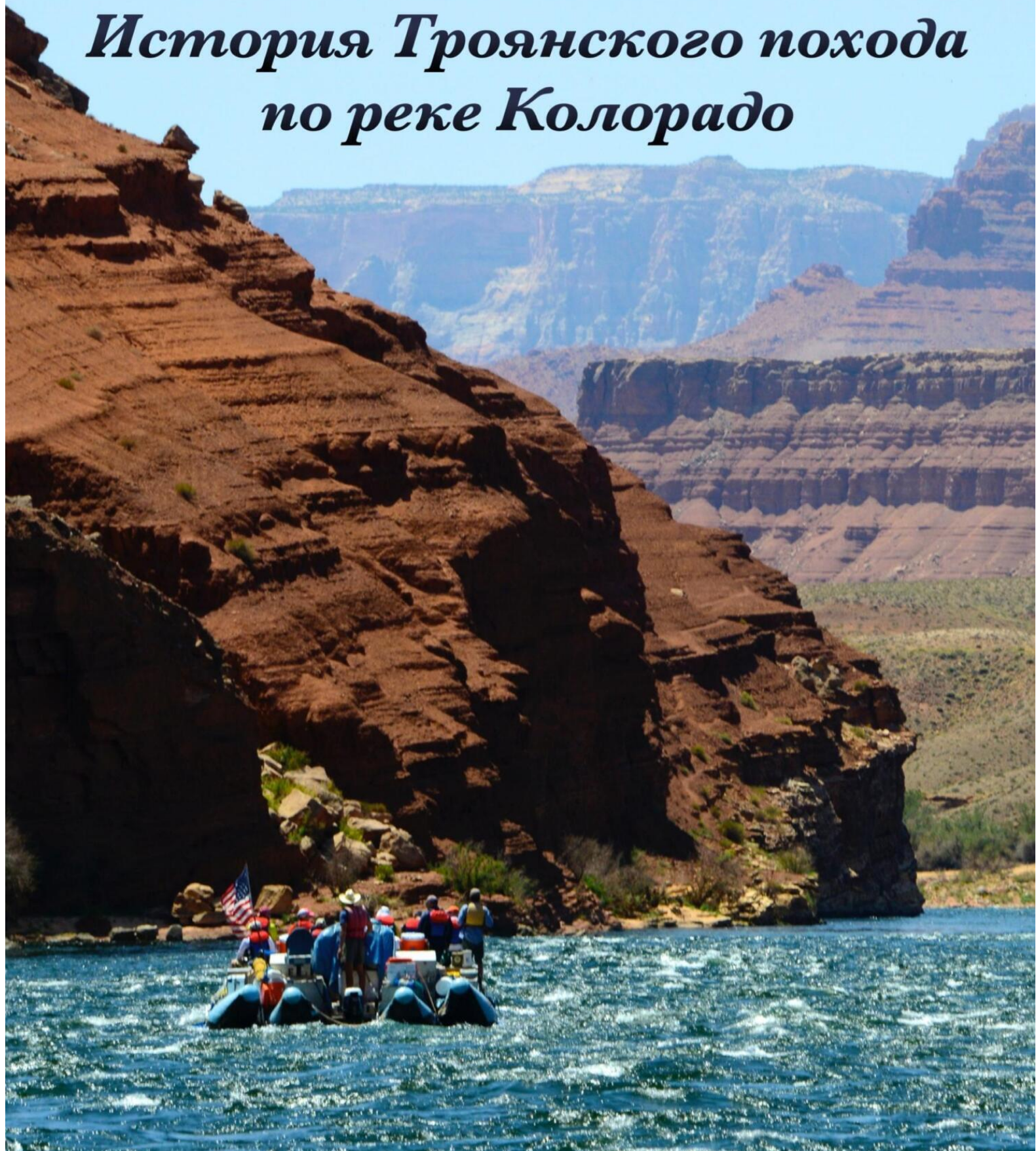

Артак Оганесян

*Гранд Слав,
или
История Троянского похода
по реке Колорадо*

Артак Оганесян

**Гранд Сплав, или
История Троянского
похода по реке Колорадо**

«Автор»

2023

Оганесян А.

Гранд Сплав, или История Троянского похода по реке Колорадо /
А. Оганесян — «Автор», 2023

Лауреат премии «Рукопись года - 2022» и лонг-лист конкурса «КНИГАСветное путешествие - 2023». Попад в помощники к бывалому руководителю агентства экстремальных путешествий, филолог-аспирант в прямом и переносном смысле погружается в поток контрастных эмоций и переживаний. Сплав на рафтах по реке Колорадо в компании отвязных любителей острых ощущений превращается для молодого человека в испытание тела, духа и чувств. После библиотек оказаться под перевернувшимся на пороге плотом. После размеренной академической среды попасть в компанию эксцентричных туристов, не отказывающим себе в сумасбродствах. После тихих романов на факультете влюбиться в предводительницу этой шатии-братии, которая, конечно же, роковая дама. Шуточки шефа, анекдотические ситуации, походные приключения, речной ковбой и индеец, говорящий с ветром, странная влюбленность и тайна чужой любви... И все это на фоне и за кадром эпически-живописных пейзажей Гранд Каньона.

© Оганесян А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Артак Оганесян

Гранд Сплав, или История Троянского похода по реке Колорадо

– Это бессмысленно! – лениво обронил продавец, когда ребята стали примериваться к удочкам. Когда же они стали вытягивать удочки из креплений, он медленно и громко, как говорят с глухими и с иностранцами, повторил: – Парни, рыбы в Колорадо нет, не имеет смысла покупать удочки.

– Но вы же их зачем-то продаёте? – задиристо спросил Сёма.

– Ну... – Американец замялся было, но быстро сориентировался: – Это больше для идиотов. Но вы, русские, не выглядите такими.

Мы – все, кто был в этой части магазина и понимал по-английски, – расхохотались. Громче всех, конечно же, заливалась Троя. А её смех ещё больше распалял мужчин.

– То есть, совсем нет рыбы? – спросил я, решив всё-таки выполнить свою работу переводчика.

– Совсем, – и продавец всё так же медленно объяснил: – С тех пор, как поставили плотины, температура воды, которая падает в Каньон из озера Пауэлла, сильно упала. Воду сквозь дамбы пропускают с самого дна. До сих пор природа не опомнилась. Радужную форель ловят выше Лиз Ферри, до плотины в Глен-Каньоне.

– Мы всё-таки возьмём четыре удочки, – настоял Тоха.

– Парни, вам придётся ещё и за лицензии выложить баксы. – Панибратский тон сменился деловым.

– Выложим! – заявил Тор.

Продавец умоляюще взглянул на меня: мол, ты-то можешь их урезонить?

– Извини, мой друг, – примирительно начал я, – но этих товарищей не переубедить, если им что-то втемяшилось в голову.

Это была последняя точка цивилизации перед десятидневным сплавом. Плоская постройка магазина предварялась верандой, чем и отличалась от пары таких же сараев около так называемой взлётно-посадочной полосы. Кафе состояло из нескольких столиков на веранде под навесом, который поддерживали нарочито грубо обработанные брёвна. Члены нашей экспедиции заняли все стулья и скамейки: кто с горячей чашечкой кофе, кто с холодной бутылкой газировки. Гид строго-настрого запретил пиво с утра и предупредил, что за этим следят духи в виде развешанных по стенам стилизованных фигурок индейцев.

Аэродромом служил потрескавшийся на нещадно палящем солнце лоскуток пустыни. Он был условно огорожен забором, не везде по периметру сохранившим сетку. Небольшой самолёт местной авиакомпании «Вижн Эйр» доставил нас из Лас-Вегаса. Его турбовинтовые двигатели, подвешенные под крыльями рядом с фюзеляжем, оглушительно ревели. Мы, все девятнадцать пассажиров, послушно надели выданные наушники и прильнули к иллюминаторам смотреть на выжженную землю.

* * *

Заявляли мы двадцать пассажиров – полную вместимость, которую нам объявил местный организатор сплава. Как организатор с нашей стороны, я высылал список участников похода. Каково же было моё удивление, когда в Домодедово приехало семнадцать человек. Плюс я и мой руководитель, основатель нашего агентства экстремального туризма, Александр Александрович, он же Сан Саныч, но среди этих туристов известный как Санчес. Выходило девятнадцать. Проведя перекличку, я озвучил неявившегося:

– Иван Бродяга, – и тут же пошутил: – где-то ещё бродит.

– Конечно, – рассмеялся Сёма, – ему на роду написано ходить-бродить.

– И девиз у него такой: «Продолжай бродить!» – подтвердила Троя, заговорщически оглядев спутников. Этого было достаточно, чтобы все подхватили тему.

– Надеюсь, бродить он рано или поздно перестаёт, – ещё громче расхохотался Холмс.

– Минимум дюжину лет побродил в бочках и достаточно, – хмыкнул Ватсон, партнёр Холмса по бизнесу и компаньон по жизни.

– Да-да-да, бутылка – не место для прогулок, – завершил Тор.

Вся группа не переставала смеяться. И Санчес с ними.

– Ну что, аспирант, не догоняешь? – в отличие от остальных не очень-то и добрым тоном спросил Серж.

Я был в растерянности, и его кривоватая ухмылка приводила меня в замешательство. В панике я пытался перебрать в уме все имена и фамилии туристов группы, а заодно эти их дурацкие прозвища. Я ведь не меньше десятка раз пересматривал все фотографии, которыми поделился Сан Саныч, чтобы с первого взгляда узнавать, кто есть кто. Вспомнил, что там действительно были карточки на всех – кроме этого Ивана. Ни фотографии, ни документов, ни брони билетов. На мой вопрос он, Саныч, тогда ответил: «Иван по пути сам присоединится, он от группы не отстанет».

– Нет, не могу понять, что вас так веселит, – откровенно признался я этому Сержу, стараясь скрыть обиду.

– Кип уокинг! Кип уокинг! Кип уокинг!¹ – как попугай заладил он, дразня меня.

Я пребывал в недоумении, что ещё больше заводило компанию, и этого Сержа особенно. В этот момент Троя, то ли сжалившись надо мной, то ли продолжая игру, устроила короткую пантомиму: одной рукой она снимала воображаемую шляпу за поля, а другой будто подбрасывала и ловила что-то.

– Всё, кончай балаган, похихикали и хватит, пора на рейс. – Санчес махнул рукой в сторону стоек. – Пошли на регистрацию.

– Держи, студент, сдашь в багаж, – и всё тот же Серж покатил в мою сторону свой чемодан на колёсиках.

Серж прекрасно слышал, когда Санчес представлял меня, что я – аспирант кафедры романских языков. Но он намеренно назвал студентом.

У меня было меньше секунды на то, чтобы понять, как себя вести. Санчес предупреждал, что клиент, конечно, всегда прав, особенно если хорошо платит за свои причуды, но в нашем

¹ Кип уокинг! – англ. Keep walking! – Продолжай идти! – здесь и далее примеч. авт.

бизнесе туристу нельзя позволять вести себя как капризному ребёнку. Тот ли это случай или нет?

Добротный материал и шильдик на этом чемодане, – наверняка известный бренд, – внушали почтение. Тем не менее, я, пусть и бережно, но ногой притормозил чемодан и почти без колебаний оставил его на месте со словами:

– За личный багаж турист несёт ответственность самостоятельно.

Я двинулся в сторону стоек «Люфтганзы», хотя по правилам, которые Сан Саныч мне объяснял, мне надо было замыкать группу.

Но не тут-то было. Меня остановил голос Сержа:

– Нет, студент, не отмазался. Взял и понёс.

Я замедлил шаг, но не обернулся. Спинай чувствовал его взгляд. Было ясно, что все ждут, как же я отреагирую. А, может, никого из них это не волнует, и я просто возомнил о себе.

– Сан Саныч, – обратился я к шефу, – а мы точно на рафтинг собрались, а не на пляж олинклюзив?

Мне не надо было оборачиваться, потому что я слышал смех: общий и уже узнаваемый среди всех голос Трои:

– Санчес, а паренёк-то у тебя с характером!

* * *

– Джонни, – она сказала это негромко, но напугала меня.

У меня аж рюкзак слетел с плеча, когда я дёрнулся. Это была Троя. Она догнала меня бесшумно.

– Что? – переспросил я.

– Джонни Уокер. – Она добавила фамилию и пояснила: – Это шотландский виски.

И у меня мгновенно возникла перед глазами картинка человека в цилиндре с тростью, который идёт быстрым шагом. «Johnnie Walker» и их слоган «Keep walking».

– Ну да. Джон – Иван, Уокер вы перевели как Бродяга. Теперь всё понятно. Спасибо, – в этот момент я был так ей благодарен, что забыл, как несколько минут тому назад она смеялась над моим конфузом громче всех.

– Логично-филологично. – И Троя по-пацански подмигнула мне.

Я не сразу пришёл в себя. Понял, что мы молчим уже с минуту. Я смотрел в её глаза и не мог отвести взгляд. Она тоже замерла на какое-то время, при этом слегка улыбалась, самыми уголками губ. Она упивалась тем, какое впечатление произвела на меня. Потом резко повернулась и ушла вслед за группой.

* * *

Так что из иллюминаторов самолёта «Вижн Эйр» вниз смотрело девятнадцать пассажиров, а за последними креслами пристроились четыре коробки водки, виски и бренди, которые я скупил в магазине «Мир ликёров» на авеню Кактусов. Для этого пришлось добратся до окраины Лас-Вегаса, где заканчивался ряд высоток – гостиниц и казино – и начиналась одноэтажная Америка. Таким образом мифический Иван Бродяга материализовался, обретая форму и вес.

На этом приключения с Иваном не закончились. Кстати, начались они ещё по пути в Штаты. Сообщение о том, что нашей туристической фирме дали добро на сплав по Гранд Каньону, пришло поздно, и в такой короткий срок двух десятков свободных билетов на стыковочные рейсы «Аэрофлота» не оказалось, так что пришлось брать на «Люфтганзу» с двумя пересадками, во Франкфурте и Орландо.

Первое плечо занимало около четырёх часов. Ещё в «Домике»² компания засела в ирландском пабе и принялась за ирландский же виски. Когда они успели затовариться в «дютике»³, я не заметил, но на борту, едва погасли символы «пристегнуть ремни», Сёма вскочил:

– Кто укладывал Бродягу?

– Он то ли над тобой, то ли над Хасселем, – неуверенно ответил Тоха.

Сёма начал один за другим открывать багажные полки, следуя инструкциям, которые поступали от ребят с разных сторон. Пару раз они победно вскрикивали «вот оно!» – но все находки оказывались не тем, что искали. Наконец, был найден большой пакет из магазина беспошлинной торговли. Извлечённый на свет божий – или под белое искусственное освещение салона – он ослепил всех глянцевой рекламой. Под любопытные взгляды доброй половины салона Сёма вскрыл запечатанную упаковку и извлёк из неё две бутылки, на одной из которой красовалась знаменитая куропатка, а на другой – не менее знаменитая, но спорная по имиджу белая лошадь («The Famous Grouse» и «White Horse»).

² Домик – аэропорт Домодедово.

³ Дюттик – дюти фри.

Добрая половина салона обрадовалась успеху наших, но, когда дразнящий аромат благородного напитка распространился по всему салону, почему-то сменила улыбки на сомкнутые губы глухого неодобрения.

И тут как раз у них появился повод снова улыбнуться, на этот раз злорадно и скрытно. К нам подошли стюардессы:

– По правилам авиакомпании распечатывать и распивать принесённое с собой на борт спиртное не допускается, – заявила на сносном русском одна из них.

– Ясно, – понимающе кивнул Сёма, разливая оставшееся, – больше не будем.

– Мы вас просим уюмониться и рассесться по своим местам.

– Хорошо. – Сёма искренне кивал и моргал в знак согласия.

Глядя на эти ужимки и кривляния, я не мог поверить, что такой человек может быть начальником в крупной организации.

Тем не менее, несмотря на клятвенные обещания, оба прохода то и дело оказывались заблокированными из-за трёх, четырёх, а то и большего числа наших любителей алкогольной продукции британских островов. Чаще всего пробки возникали около сиденья Трои либо рядом с ней, когда она поднималась размяться.

Я видел осуждающе-настороженные взгляды стюардесс и поражался их немецкому самообладанию: они вежливо и спокойно просили вести себя тише и освободить проход. На пятый раз в их голосе появилась металлическая нотка, которую вовремя уловила Троя. Они попросила собравшихся около её кресла разойтись. Ребята послушно выполнили её просьбу. Старшая из бортпроводниц кивнула с благодарностью.

Я тоже был страшно благодарен Трою. Наверняка мне надо было вмешаться, но я всё сомневался: самому взяться или попросить Сан Саныча.

* * *

Во Франкфурте нам предстояло провести три часа до следующего рейса через океан. Я был уверен: перебрав с общением друг с другом (а также с лошадьми и куропатками), компания будет тихо и мирно дремать в бизнес-зале. Но только не эти клиенты! Вывалившись из «кишки» в транзитную зону, они перво-наперво послали меня изучить рестораны и бары. Кто-то вроде как вспомнил, что в «здешних лаунджах мало наливают». Я решил, что проявлю смекалку, и прямиком направился к справочной, чтобы добыть исчерпывающие сведения о наличии требуемых заведений в аэропорту. Возвращаясь, я и не ожидал, что вся компания будет стоять там, где я их оставил. Но был уверен, что Санчес попросит кого-то дожидаться меня. Никого не было, их и след простыл. Пришлось бегать по всему терминалу, пока не услышал

громогласный гогот Лабра. Держа курс на звук, я обнаружил всех за наспех сведёнными друг к другу тремя столиками в кофейне. Рядом с ними стояла официантка, с готовностью держа блокнот и карандаш в руках.

– Вот и Панчес! – заорал Лабр, едва завидев меня, и ткнул в мою сторону официантке: – Плиз, толк ту хим⁴.

Девушка обернулась ко мне, обрадовалась непонятно чему и затараторила так, словно она не немка, а итальянка:

– Мистер Панчес, ваши друзья требуют крепкий алкоголь, а у нас даже пиво и шампанское не продаётся. Это – кофейня, тут у нас, как вы можете догадаться, в ассортименте кофе, чай, есть соки и фруктовые напитки, ну и вода. А ещё пирожные и тортики кусками. Могу ещё предложить два вида сэндвичей...

– Гёрл, ви нид виски ор бренди⁵, – с диким русским акцентом, каким его любят американцы пародировать в фильмах про коммунистов, остановил её тираду Тоха.

– Ноу, мистер, алкоголь из прохибитед⁶, – решительно провозгласила официантка, на этот раз с прекрасным образцом немецкого акцента.

– Панчес, друг, сбегай в «дютик», – попросил меня Лабр.

– Почему Панчес? – удивился я.

– Мы решили, что у Санчеса оруженосцем может быть только Панчес. Санчес-Панчес, рифмично и логично, – это сказала Троя и вопросительно приподняла одну бровь: – Не так ли?!

Я не мог выдержать этот взгляд, растаял и широко улыбнулся.

– Вот видите, ребята, он согласен, – обернулась к сидящим вокруг Троя. – А то мы все с кликухами, а он без прозвища. Непорядок!

– А почему вы – Троя? – осмелился спросить я.

– Дружище, ты сбегай, а потом за рюмочкой и поделимся историями, – похлопал меня по плечу Тор. Он был ближе всего ко мне.

– Давай-давай, одна нога там, другая – тут. – И, довольный своей прибауткой, Серж захихикал.

Я оглянулся на шефа. Тот утвердительно показал на бутылку воды, стоявшую на столе, и поднял два пальца. Я и купил две бутылки «Джонни», расплатившись кредиткой, которую мне в поездку вручила бухгалтер со словами «для оперативных расходов». Водрузив виски на стол, я потребовал обещанную историю.

– Троя – потому что Елена Прекрасная, – объяснил Тор, – за которую не одна троянская битва состоялась среди участников наших походов и причастных к ним.

– А ты – Тор, потому что бог варягов? – неуклюже пошутил я.

– Виктор-Тор, вот и всё, – тут он подмигнул Трое. – Как наша классик говорит: рифмично и логично!

– А Сёма – потому что Семёнов? – неуверенно предположил я.

– Да, это чтобы не путать с другим Сергеем, который у нас Серж.

– Тоха – тоже просто, от Антона. – Я продолжал игру в «угадайку». – А вот Лабр и Хассель?

– Предлагаю тост за тех, о ком сказали, – прервал Тор.

После чоканья я ожидал продолжения, но они забыли обо мне и пошли говорить о своём. О моём существовании вспомнили, когда обе бутылки опустели.

– Панчес, выручай, друг! Нужна ещё одна бутылка.

⁴ Плиз, толк ту хим (от англ. Please, talk to him) – Пожалуйста, поговорите с ним.

⁵ Гёрл, ви нид виски ор бренди (от англ. Girl, we need whisky or brandy) – Девушка, нам нужно виски или бренди.

⁶ Ноу, мистер, алкоголь из прохибитед (от англ. No, Mister, alcohol is prohibited) – Нет, мистер, алкоголь запрещён.

– А может, достаточно... – Я вопросительно посмотрел на Санчеса, но тот блаженно улыбался, смакуя свою порцию виски наравне с остальными.

На всякий случай с третьей бутылкой я встал в очередь в другую кассу. На предыдущей меня предупреждали, что не стоит лететь в США с алкоголем в ручной клади. А эта кассирша ничего не сказала, безразлично отсканировала посадочный талон и попросила вставить карточку. Я вводил пин-код, поэтому прослушал начало объявления. Когда выходил из торговой зоны, обратил внимание на прозвучавшие в безбожном искажении фамилии: «...Счиербиткоу, Симийонов, Зилберштайн, Питросиян». «Это же наши! ...Щербитко, Семёнов, Зильберштейн и Петросян». На мою удачу, – а Санчес поручил мне отслеживать всякие уведомления о посадках или задержках рейса, – диктор стала повторять объявление на английском языке. Возможно, первое было на немецком. В переводе оно звучало так: «Внимание пассажирам рейса эл-эйч номер такой-то Франкфурт-Орландо. Просьба перечисленным пассажирам срочно подойти к выходу на посадку номер такому-то...» и дальше список всех наших подопечных, ну и нас с Сан Санычем. Я со всех ног помчался к назначенному месту.

Моё появление было встречено круглыми глазами сразу трёх дам в униформе авиакомпании и одного мужчины в синем костюме с бэджом, на котором я различил логотип аэропорта. Они словно потеряли дар речи. Первым нашёлся мужчина и вместо приветствия задал мне вопрос на английском, пальцем указав на пакет в моей руке:

– Что это, мистер?

– Это покупка.

– Покупка?

– Да, покупка в магазине беспошлинной торговли, – я ответил прилежно, как на уроке иностранного языка, полным завершённым предложением.

– А что за покупка в этом пластиковом пакете?

– Бутылка шотландского виски.

– Мы так и думали, – прозвучала первая реплика от женского состава официальных лиц.

– Сэр, – подчёркнуто вежливо обратился ко мне мужчина в костюме, – правильно ли мы понимаем, что вы – одна группа в составе девятнадцати человек?

– Да, правильно.

– Меня зовут Штефан Грюбер, я отвечаю за безопасность полётов. Будьте добры, соберите всю группу вот здесь. – И он пальцем ткнул вертикально вниз, сбоку от себя.

– Хорошо, сейчас, – ответил я, напуганный словами «безопасность полётов», и бросился исполнять.

В этот момент я был благодарен клиентам, что они не разобрались по всему терминалу, а сгруппировались вокруг трёх сведённых столиков в кофейне. Но это чувство быстро сменилось раздражением, потому что, решительно не понимая, о чём я, и не желая подчиняться, они отмахивались от моих попыток вытащить их из-за этих столиков.

– Есть подозрение, что это... ж-ж-ж... неспроста, – со знанием дела и с высоты своего опыта оценил ситуацию Санчес. Он встал, закинул свой рюкзак за спину и скомандовал: – Детсад, всем построиться по двое, взяться за ручки и за мной.

Все разом вскочили, схватили свой багаж и, несмотря на степень нетрезвости, почти стройной колонной потянулись за мной и Санчесом. Но последний вдруг остановил меня:

– Закрой счёт.

– И не скупись на чаевые, – не поленился сделать шаг назад Серж и всучить мне несколько монет евро. Он это сделал так, будто оставил подачку.

Я успел расплатиться с многословной официанткой и догнать группу у выхода на посадку, где нас ждал Штефан – уже без свиты. Он ещё раз представился: Штефан Грюбер, – и прочитал вслух по списку все наши фамилии. Каждый из нас поднял руку, после чего он пригласил всех зайти в дверь напротив. Обычно в аэропортах все помещения, где пребывают пассажиры, располагаются в открытой зоне либо за стёклами. Здесь же была отдельная комната, просторная, но без окон и с глухой дверью. Стулья были сдвинуты к стенам справа и слева от входа. У стены напротив двери нас ожидали три десятка человек, одетых в костюмы пилотов и стюардесс «Люфганзы».

Впустив всех нас, Штефан прошёл на середину комнаты так, что по одну руку стояли люди в униформе, а по другую – мы, и церемонно обратился к нам:

– Дорогие пассажиры, перед вами экипаж сегодняшнего рейса Франкфурт-Орlando. Уважаемые члены экипажа, перед вами группа туристов, которая направляется из Москвы в Лас-Вегас.

Представленные почти в один голос приветствовали нас на немецком. Мы ответили вразнобой, кто на русском, кто на английском, а кто-то даже повторил их «гутен таг»⁷.

– Этот разговор происходит из-за того, что экипаж рейса Москва-Франкфурт пожаловался нам на... – Штефан сделал паузу, словно подбирая правильное слово: – ...на ваше поведение. После общения с капитаном судна и старшей стюардессой мы приняли решение снять вашу группу со следующего рейса. Полёт в Орlando занимает несколько часов, а, принимая во внимание, что вы... – и тут он показал на пакет из «дюти фри» в моих руках: – ...продолжаете употреблять спиртное, мы опасаемся за безопасность других пассажиров.

Тут должно было наступить неловкое молчание, после чего мы начали бы оправдываться или просить или ещё как-то реагировать на шокирующее сообщение. Но Сан Саныч сделал два шага вперёд и встал рядом со Штефаном, подозвал меня к себе со словами «Сынок, переводи» – и зычно объявил:

– Уважаемый Штефан, уважаемый экипаж рейса Франкфурт-Орlando, позвольте представиться самому и представить вам нашу группу, с которой я уже объездил около двадцати стран за неполные двадцать лет.

Откашлявшись для проформы, шеф продолжил:

– Меня зовут Александр, я основал агентство экстремального туризма в тысяча девятьсот девяносто третьем году. Многократный чемпион мира по рафтингу, гребле на байдарках и каноэ.

– Мой помощник, Михаил, аспирант филологического факультета, полиглот, свободно владеющий несколькими европейскими языками, профессиональный переводчик. – Я аж

⁷ Гутен таг (от нем. Guten Tag) – Добрый день.

зарделся, хотя всё было правдой, кроме последнего факта. Работа переводчиком в компании Сан Саныча должна была стать моим первым опытом.

– Виктор, – и Санчес сделал знак, чтобы тот показал себя: Тор отвесил лёгкий поклон, – бессменный директор по финансам одного из крупнейших банков России. Больше пятнадцати лет точно.

– Сергей Семёнов, основатель и глава старейшей аудиторской компании России.

– Ещё один Сергей, до недавних пор был директором по информационным технологиям в банках, а сейчас – основатель финтех-стартапа. – И Санчес театральным жестом обратился к Сержу: – Верно я выразился: фин-тех-стар-тап?

И так далее. К моему великому удивлению, делегация аэропорта и авиакомпании терпеливо выслушала представление каждого из нас, девятнадцати, ни разу не перебив. Санчес не дал им слово вставить и по завершении, продолжив свою речь:

– Каждый из стоящих перед вами несёт колоссальную ответственность перед своим коллективом, вышестоящим руководством, акционерами и клиентами, – я удивился, откуда у Сан Саныча, славившегося своими простонародными шутками-прибаутками, такой официоз, – и только один раз в год они могут себе позволить расслабиться. Не когда отправляются в отпуск с семьёй, потому что и тогда они несут ответственность, в первую очередь, за своих детей, а вот когда мы собираемся в наши путешествия. Понимаете, они просто отключаются от своей жизни, от реальности и становятся... мальчишками и девчонками, которым только исполнилось восемнадцать лет, и им разрешили пить и гулять.

Только я перевёл последние слова, как уже появились улыбки на лицах немцев и даже послышались смешки. Короче, всё закончилось тем, что Сан Саныч жал руки пилотам и стюардессам, те даже извинялись за недоразумение, однако братание прервал Штефан, который пошушукался с капитаном корабля и главной стюардессой:

– Мы приняли решение допустить вас к полёту, но при следующих условиях: первое, весь алкоголь, который имеется у вас в ручной клади или был приобретён тут в аэропорту, – снова указательный палец был направлен на пакет в моей руке, – должен быть сдан при посадке в самолёт, вам его вернут в Орландо. На борту вы можете обращаться к персоналу, вам будут приносить спиртные напитки, но дозированно. Второе: вы будете рассажены в салоне таким образом, чтобы не сидели рядом. Третье: вам будет запрещено собираться больше, чем по двое. Если двое из вас уже стоят в очереди в уборную, третьему придётся потерпеть или занять место в другую кабинку. Всё понятно? Вы согласны с данными условиями?

Я перевёл. Санчес повернулся к группе и с улыбкой от уха до уха мягким голосом обратился:

– Мои восемнадцатилетние юноши и девушки, обещаете ли вы вести себя прилично и слушаться дядечек и тётечек? Благоразумно и благопристойно, как на балу дебютанток?

– Да-а, – хором ответила вся группа, и тут же расхохоталась.

Смеялись и стоявшие напротив, кроме Штефана.

Мы только отошли от комнаты собрания, как Лабр догнал Санчеса (кстати, оба соразмерно высокие и здоровые по комплекции), плечом подтолкнул и вполголоса заметил:

– Мы же недавно считали – больше полсотни стран, а уж сколько поездок...

– Ты хотел, чтобы я им сказал, что вы по два-три раза в год так нажираетесь? – Ответ был грубоватым, вызвал смешок и ещё один толчок – любой другой от такого приятельского удара плечом отлетел бы на пару метров, но не старик Саныч.

* * *

В каком-то смысле я был даже доволен, что всё так обернулось. То есть не то, что нас могли снять с рейса, а именно то, что нас разместили по салону таким образом, чтобы все сидели поодиночке. Это давало мне шанс передохнуть несколько часов полёта. Если всё начиналось так весело, я уже боялся представить, что будет дальше.

За время полёта мне удалось и поспать, и почитать с телефона книгу, до которой за последний месяц подготовки к сплаву не доходили руки (вернее сказать, глаза), и даже фильм посмотреть.

Правда, фильм-то я досмотрел не с первого раза. На самом захватывающем моменте на моё плечо легла тяжелая рука. Поднял голову – надо мной склонился, перегнувшись через мою соседку слева, Вождь.

– Братан, помоги обаять даму!

– Что?! – Мне бы пора было перестать удивляться, но отключить рефлексy было не так просто.

– У настоящего моряка в каждом порту должна быть любовница, понимаешь? – доверился он мне шёпотом. Этот шёпот слышали сидящие и рядом со мной, а также на пару рядов вперёд и назад.

– Так, понимаю, – подтвердил я, чтобы выиграть время. – А мы уже прибыли в порт?

– Ха, да ты тоже юморить способен! – Он ткнул указательным пальцем мне в плечо. – Брателло, вылез из своего кокона, а то меня обвинят в харассменте этой уродины. А я готов получить срок только вон за ту красотку...

И он бесцеремонно, но красноречиво поводил глазами и бровями на мою соседку по ряду, съёжившуюся под мощной аркой его тела, и на стюардессу, с терпеливой улыбкой ожидавшую в проходе рядом.

Стократно извиняясь, я выкарабкался из насиженного гнезда, запутавшись в своих и чужих проводах наушников и потоптавшись на ручной клади под креслами, – и, наконец, выпрямился. Даже в полный рост я не достигал и груди Вождя. А стюардесса, кстати, была довольно-таки высокой для своей профессии. Она была, скажем так, под стать нашему Вождю, хотя всё равно едва дотягивала до его подбородка.

– Спроси её, нельзя ли мне вернуть моё место в бизнес-классе?

– Вы согласились на наши условия, поэтому мы рассадилы вас по салонам всех классов, – ответила стюардесса.

– Спроси её, – не дождавшись моего перевода, начал Вождь, – нет ли возможности пересадить меня куда-нибудь в хвост самолёта, где есть свободные места? Я физически не помещаюсь в кресле эконома.

– К сожалению, все места на борту заняты, – констатировала факт стюардесса без каких-либо эмоций.

Вождь широко и щедро улыбался ей с высоты верхних багажных полок.

– Скажи ей, что я – кандидат экономических наук, самый главный по рискам в самом большом банке России.

– Ты думаешь, это как-то повлияет? – уточнил я у него.

– На что?

– На то, чтобы она нашла тебе место в бизнес-классе?

– Да мне не нужно место там, я уже поменялся местами с Ватсоном.

– А тогда зачем весь этот цирк?

– Ну ты даёшь, полиглот-бармаглот! Я же с самого начала сказал, мне надо очаровать даму. – И одарив её улыбкой, он посмотрел меня в глаза: – По полной программе.

– А зачем тогда про кресла?

Пока мы переговаривались между собой, стюардесса нетерпеливо поглядывала по сторонам, словно ожидала срочного вызова из любой точки воздушного судна. Я и так чувствовал себя маленьким между гигантом и каланчой, а в сравнении с поставленной задачей и вовсе стал карликом.

– Вы понимаете, – взялся я за нелёгкую миссию, обратившись к немке: – мой друг занимает очень важную должность и играет незаменимую роль в одном из самых больших банков России.

– Самом большом, – поправил меня на русском Вождь.

– Так ты говоришь по-немецки? – удивился я.

– Немного, я хорошо говорю по-английски.

– Ну так говори с ней по-английски. Стюардессы «Люфтганзы» обязаны прекрасно владеть этим международным языком на трансатлантическом направлении.

– Ох и дурак же ты, филолог, – в сердцах обронил Вождь, – ну не буду же я сам себя расхваливать. Ты будешь моим Сирано де Бержераком!

– Ребята, – вдруг на недурственном русском прервала нас бортпроводница, – спасибо, что позабавили, но мне пора заниматься другими пассажирами.

– Вот тебе ра-аз! – протянул я.

– Ну не фигу себе! – воскликнул кандидат экономических наук.

– Я из поволжских немцев, *wolgadeutsche*⁸, – предвосхищая вопрос, объяснила девушка и покинула нас.

У Вождя аж плечи опустились, когда он провожал её растерянным взглядом.

– Кстати, а почему тебя называют Вождь? – решил я воспользоваться моментом.

– Понятно почему, меня ещё со школы все так зовут. – Не совсем вникая в мой вопрос и всё ещё поглощённый признанием красавицы, так и оставшейся неприступной, ответил тот, кто по документам является Андреем Викторовичем. Потом, словно очнувшись, он обратил внимание на меня: – Ты разве не читал «Кукушкино гнездо»⁹? Ну или хотя бы фильм не смотрел?

– Нет.

– Подрастёшь, посмотри.

Выдав мне такое напутствие, Вождь, недовольно и грузно ступая, отправился к своему месту, а я решил, коль уж встал, сходить в туалет. Очередь в кабинку, которая была ближе всего ко мне, состояла из двух индианок пожилого возраста. Обе были босыми. Загорелые ступни с розовыми пятками и розоватыми ноготками выглядывали из-под сари.

⁸ *Wolgadeutsche* (нем.) – поволжский (волжский) немец.

⁹ Фильм «Пролетая над гнездом кукушки» кинорежиссёра Милоша Формана по роману Кена Кизи.

– Твоя бабушка любила смотреть «Зиту и Гиту»¹⁰, и у тебя с малолетства скрытая тяга к смуглянкам с точечкой во лбу? – на этот раз я не дёрнулся от неожиданности, но почему-то этот шёпот ввёл меня в ступор. Это была, конечно же, Троя, подкрававшаяся незаметно.

– Эта точка называется бинди. – Я не нашёл ничего умнее, кроме как... извините за каламбур, сумничать.

– А ещё тилака, а ещё тикка, а ещё... – Она улыбалась, насмешливо-испытывающим взглядом сковывая мои мысли. Мне очень хотелось сказать что-то такое ироничное и смешное, но в голове всё спуталось. Словно заметив мои потуги, Троя добавила: – Ну что, не удалось задавить меня интеллектом?

– Нет.

– Чего Вождь хотел?

– Не важно.

– Важно. – Она вдруг перешла на серьёзный тон и продолжила допытываться: – Так что?

– Да так, баловался-шутил.

– Один раз его шутка нам дорого обошлась. Так что он хотел?

– Я не знаю, могу ли... – В голове у меня вертелось «мужская солидарность» и в то же время я немного даже приревновал, а почему она так интересуется намерениями Вождя.

– Мы как-то летели из Катманду «Катаром». Вождь вдруг решил впечатлить стюардессу и попросил дать ему парашют и открыть дверь. А потом пытался вскрыть дверь самолёта.

– Зачем?

– Он был подшофе.

– Этим всё объясняется?

– Он шантажировал девушку: если она не ответит взаимностью на месте, то он сейчас же выпрыгнет и либо погибнет, либо... – Тут Троя улыбнулась, видимо, момент был таким забавным, что не удержаться: – ...либо, если останется целым, то проживёт остаток жизни в обители снегов.

– Где?

– В Гималаях, ты же вроде как знаток хинди, – съязвила она.

– Я знаю языки романской и германской групп... – Мне то и дело приходилось оправдываться перед ней. Я решил увести разговор с моей персоны на поступок Вождя: – Всё разрешилось благополучно?

– Вполне. Стюардесса катарских авиалиний оказалась румынкой и понимающе отнеслась к ситуации. Я попросила её, и она пообещала Вождю, что после рейса поедет с ним хоть на край света, хоть на вершину мира.

– Раз её нет с нами в походе, – начал я своё умозаключение, – выходит, что румынка не сдержала обещания.

¹⁰ Фильм «Зита и Гита» кинорежиссёра Рамеша Сиппи.

* * *

К счастью, у нас на борту сюрпризов не было. Сухой закон действовал только до Орландо, но и следующий перелёт до Лас-Вегаса мы пережили спокойно. А вот тут Иван Бродяга снова вышел на большую дорогу.

Я забронировал всем номера в одном из самых роскошных отелей, а также билеты на развлекательное шоу двойников звёзд на первый вечер и стриптиз-шоу на второй.

– Нам бы только ночь простоять да день плюс ночь продержаться! – вкратце так звучало задание шефа.

Мы прилетали днём, и было время переодеться к первому мероприятию с концертом. По плану на следующий день группа должна была отоспаться, прогуляться по игровым залам отелей на главной улице Лас-Вегаса, а дальше в полном составе явиться на ужин в варьете. Это был гвоздь пребывания в «городе греха», если верить рекламным роликам, которых я посмотрелся, чтобы составить развлекательную программу. Сан Саныч мельком взглянул на неё и переспросил только одно:

– Это самые зажигательные раздевания? С танцами как в фильме «Шоугёлз»¹¹? И такие же красотки с ногами от ушей?

Пришлось в его присутствии погуглить в интернете фрагмент из голливудского фильма, чтобы авторитетно ответить:

– Да, ничуть не хуже, только музыка посовременней!

– Девицы реально голые или полуголые? – был задан прямой вопрос.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, как бы деликатней ответить:

– Достаточно откровенно, чтобы произвести неизгладимое впечатление.

– Молоток, аспирант! – хмыкнул мой босс.

– А в первый вечер я ничего лучше не нашёл, чем шоу двойников. Ну там, Майкла Джексона, Тины Тёрнер, Шер и всяких Элвисов Пресли. Думаю, это лучше концерта трансвеститов.

– Однозначно лучше, хотя и не так прикольно. – Он то ли согласился, то ли нет. – А вот стриптиз пойдёт точно! И наши гаврики могут устроить свой стриптиз! Важно, что это гульба будет во второй вечер, потому что в первый наши всё равно заснут в самом начале.

Так оно и случилось. Самые стойкие ушли с концерта за полчаса до его окончания, благо он был в башне неподалёку, так что мы прогулялись по расточительно щедро освещённой яркими и пёстрыми огнями Фримонт-стрит. Я такими и представлял себе ярмарочные города из сказок.

¹¹ Фильм «Шоугёлз» (от англ. «девушки из шоу») кинорежиссёра Пола Верховена.

Игровые залы зазывали в открытые на улицу двери. За ними в глубину тянулись бесконечные ряды «одноруких бандитов» с беснующимися табло и тренькающими звуками. Престижные казино, наоборот, держали свой вход под охраной. А перед роскошными солидными заведениями дежурили швейцары в настоящих ливреях и с цилиндрами на голове. Один такой стоял на фейсконтроле в наш отель. Он с подозрением оглядел только меня, видимо, определив наметанным глазом, что мой пиджак явно не «от-кутюр».

Совсем другим был город с изнанки, когда на следующий день, решая разные оргвопросы, я носился из одной точки Лас-Вегаса в другую. К примеру, покупал не раз упомянутого Джонни Уокера на окраине города. Но эта подноготная гламурной жизни вмиг забылась, стоило мне вернуться в центр и при свете дне застать копию Эйфелевой башни и фрагмент венецианского канала с гондольером. Не хотелось верить, что всё это – понарошку. Мимо фонтанов Белладжيو я уже бежал, не дожидаясь их танца, потому что надо было ещё успеть принять душ и переодеться к вечернему выходу.

Но не тут-то было. В этом городе показной беззаботности я не мог позволить себе беспечность.

Я вошёл в лобби нашего отеля. Он был совмещён с игровым залом – уверен, что это было казино высшего класса. Во всяком случае, интерьер поражал обилием золота на фоне коврового покрытия пыльного красного цвета.

Час пик ещё не наступил. Практически все карточные столы были свободны. На двух из них напротив крупье сидело по двое-трое игроков. А вот в секции рулеток выделялось разноцветное пятно. Оттуда же доносился шум, перебивавший лаундж-музыку. Я направился было к лифту, когда опознал в их гомоне краткие сэмплы русского мата.

Если у меня и были сомнения: а вдруг это другие русские (мало ли тут русских!), – то их остатки испарились, стоило мне подойти поближе. Это были наши. Они облепили стол так, что я не видел ни колеса рулетки, ни лиц. Лабр и Зобар вовсю спорили с крупье, при этом я слышал их наезды – но не ответы дилера. У каждого из ребят было по стакану, на дне которого плескалась жидкость цвета тёмного дерева. Судя по раскрасневшимся лицам и искрящимся глазам, это была не первая порция. Мне надо было спасти банкролёта.

– Он прекрасен! – шепнула мне в ухо Троя.

Она опять подошла со стороны. Следом прибежал официант, неся её бокал с пригубленным коктейлем неоновых цветов.

– Он?! – Я перевёл взгляд с удаляющегося официанта на спины игроков, пытаюсь догадаться, о ком она говорит.

– Азарт! Они уже третий час пытаются поймать удачу.

– Но у нас же шоу через час, – обречённо заметил я.

– Давай сделаем ставки, сколько из наших доберётся туда? – У неё опять лукаво сощурились глаза. – Где, как не в Лас-Вегасе, держать пари?!

Ещё с того момента, как я увидел её глаза в аэропорту Домодедово, у меня подскочили все медицинские показатели, начиная от учащённого сердцебиения и заканчивая урчанием в животе. Поэты и писатели описывают, как от героинь исходят лучи энергии и всё такое. А Троя, наоборот, притягивала к себе свет и тепло и всё, что мог излучать влюблённый или даже просто заворожённый мужчина. За день с небольшим дороги и за время сегодняшнего завтрака я уже не раз подмечал: где бы она ни остановилась и куда бы ни шла, её окружали и сопровождали мужчины, причём необязательно, чтобы из нашей группы. Вот и сейчас она подошла ко мне, заключила пари и вернулась к стойке, где ждали продолжения беседы с ней двое неизвестных мне посетителей бара.

Я был зол на неё. Ни с того ни с сего – глухой злостью. Да нет, я знаю, в чём была причина. Меня вывело из себя то, что она подошла ко мне, интимно прошептала интригующее «он прекрасен», обдав облачным ароматом своих духов, а потом ушла к каким-то неясным типам. Где она их только подцепила? И ведь не отбрила же, а кокетничала.

Я поднимался на лифте в номер и пытался самого себя уговорить не влюбляться в неё. Да ну её к чёрту! Ведь ей, как и им всем, минимум лет сорок-пятьдесят. И в талии она раздалась, а мне всегда нравились худенькие и стройные, как в книжках.

Я же пролистал всё её фотографии, которые нашёл в соцсетях и в интервью, которые она давала в разное время, будучи на разных позициях в разных компаниях, а сейчас как директор своей фирмы. Её нельзя было назвать красивой, при этом она была неотразимой. Это не было красотой актрис или моделей, когда безупречные классические или, на контрасте, необычные черты лица, нет. Фишка Елены была в шарме. Она околдовывала, иначе никак это свойство не назвать. Смотришь на фотопортрет и западаешь. Задумываешься, что она хотела этой улыбочкой – или взглядом в сторону – сказать. Наверняка последние снимки были уже с ретушью: сейчас у неё морщинки разбегались от уголков глаз, стоило ей рассмеяться. Она была старше меня лет на двадцать.

Через сорок минут, выходя из лифта в холл, я был уверен, что совсем скоро образ Трои затмит ряд прекрасных обнажённых танцовщиц на сцене. Пока что меня встретил ряд выстроившихся, словно по натянутой нитке, восемнадцати членов нашей команды: всех, включая благодушно улыбающегося Сан Саныча.

Спор я проиграл. Я недооценил ребят, поставив на то, что меньше половины группы придёт на ужин, увлечшись казино и выпивкой. Троя предложила максимальную ставку на то, что заявятся все.

– Мы готовы! Веди нас, Панчес! – объявила Троя и протянула руку: – И гони мои баксы, ты продул.

Только получив свои десять долларов, на которые символически бились об заклад, она открыла секрет успеха. Фокус состоял в том, что она попросила прийти каждого. И ей не могли отказать, не только мужская половина группы, но и две другие дамы.

– А спорим, что тебе не удастся так же легко собрать всех завтра утром рано?! – пошутил я.

– Это твоя работа. – Хлесткой фразой Троя поставила меня на место.

* * *

И мне пришлось делать свою работу. В голове продолжало гудеть. Перед глазами мелькали отблески цветомузыки. Ещё не стёрлись впечатления от эффектных движений кордебалета. Прошло чуть больше четырёх часов, как завершилось шоу. А я уже грузил рюкзаки и коробки с бутылками в микроавтобус, и при этом никак не мог согреться: то ли ночная прохлада, то ли недосып, то ли подхваченная между кондиционерами и уличной жарой простуда. Делал контрольные звонки в номера, чтобы удостовериться, что каждый проснулся, и напоминал о том, что мы ждём внизу. И слушал в ответ сонные хриплые просьбы «ещё пять минуточек».

Не дозвонился только до Сержа.

– Он вчера просадил то ли десять штук баксов, то ли двадцать, то ли полтос, – сообщил мне возможную причину отсутствия Сержа Холмс.

– Если бы Троя не вытянула всех на твой концерт, – продолжил Ватсон, – он бы спустил там ещё больше. Совсем в раж вошёл.

Мне пришлось подняться на седьмой этаж в номер семьсот семьдесят семь и барабанить в дверь до тех пор, пока её не открыли. Я от испуга отскочил даже. Мимо меня так же испуганно и немного виновато прошмыгнула темнокожая девица в коротком платье, поверх которого был накинут джинсовый жакет, весь усыпанный блестящими камешками.

Она оставила дверь открытой. Я заглянул в номер и позвал:

– Серж? Сергей?

Надо бы вызвать охрану или сообщить на ресепшн: вдруг эта не гостя Сержа, а грабительница или мошенница... И тут я услышал стон. Отбросив сомнения, я бросился на помощь. В одной комнате было пусто и нетронуто после уборки. Во второй, спальне, наоборот, царил жуткий кавардак: повсюду были разбросаны одежда, бутылки, стаканы, тубы «Принглз» и сами чипсы, пакетики из-под арахисовых орешков и чёрная картонная коробка презервативов с брошившейся в глаза надписью «TROJAN», с силуэтом воина-троянца в шлеме.

Я собирался было проверить ванную и санузел, как снова донёсся стон.

Серж лежал, – скорее, валялся, – за кроватью на полу, поэтому поначалу его не было видно. Глаза у него были открыты, но выглядел он еле живым. Он был голым и помятым. На него было противно смотреть.

Когда в фильмах один подходит к другому, – избитому в драке, свалившемуся с крыши или упавшему с пулей в груди, – то задаёт самый бестолковый вопрос, который только можно придумать: «ты в порядке?». Вот и я, оказавшись перед человеком в таком жалком и беспомощном виде, изрёк такой же дурацкий вопрос:

– Ты как... ничего?

– Лучше бы я умер вчера¹², – просипел Серж.

– Я слышал о вчерашнем большом проигрыше. Ну не надо так расстраиваться из-за этого. Алкоголь и секс с проституткой только усугубят...

– Ты чего, всерьёз это говоришь? – чуть громче спросил он.

– Да. – Несмотря на свою неприязнь к нему, я говорил совершенно искренне.

– Усугубят, говоришь, – прочищая горло, повторил он и спросил: – Видел номер моего номера? Ха, – номер номера, – Трое бы понравилось: рифмично, ёлы-палы. Ну так видел?

– Да, видел. Семьсот семьдесят семь.

Серж сделал попытку привстать. Я наклонился помочь, но он отмахнулся от моей руки.

– Это «три семёрки»! Выигрышное число! Я за пару ночей в этом номере заплатил больше, чем профукал в рулетку. Удачное число можно купить, а вот саму удачу – хрена-с-два.

Его философская небрежность к потере приличной суммы поставила меня в тупик. Что с ним делать? Чем помочь? Серж сам подтолкнул меня к ответу на эти вопросы:

– Мулатка не проститутка, ты это зря. Она из бара, наверное, официантка. Не важно. Короче, она не за деньги. Да даже если это была баба за бабло... баба за бабло...

Он приподнялся, боком привалившись к стене, и теперь замутнёнными глазами вперился в меня. Мне стало не по себе от этого долгого похмельного взгляда и полоумного повтора получившейся скороговорки:

– Была баба за бабло. Была баба за бабло. Допил бобыль бутыль, забыл бобыль костыль.

И тут он заржал. Натурально, как лошадь. Сполз обратно на пол и там корчился от смеха. Потом присел, перевёл дух и сквозь слёзы выдавил:

– Ей-богу, протрезвил не хуже чекушки из мини-бара!

Я был готов прибить его.

– Самолёт нас ждать не будет, через десять минут машина отходит, – с ледяной вежливостью сообщил я Сержу и направился к выходу из номера.

Думаю, за такую выдержку меня бы взяли в штат «Люфтганзы».

* * *

¹² Фраза из шутивого дневника американца: «Вчера пил с русскими. Чуть не умер! Сегодня опохмелялся с русскими. Лучше бы я умер вчера.»

В семь утра мы высадились у обычного одноэтажного здания. Это был второй аэропорт Лас-Вегаса, так называемый Северный. Зевая до треска в челюсти, я помогал таким же зевающим товарищам по команде.

У нас были жёсткие ограничения по весу пассажиров и багажа как в самолёт из Вегаса до стартовой точки, так и на сами рафты.

– На борт пускаю не больше трёхсот фунтов на кресло. – Эта была первая фраза пилота, с который он вошёл в зал ожидания.

Помещение было небольшим, и его полностью занимали наша группа и ещё два десятка туристов из Австралии.

– Это сколько в граммах? – спросил у меня Санчес.

Он почти двадцать пять лет в этом бизнесе, но при этом так толком и не выучил английский, не говоря уже об остальных языках, и не ориентируется в таких вещах как часовые пояса или системы измерений. Однако это нисколько не мешало ему находить общий язык с любым встречным во всех уголках планеты.

– Около ста тридцати пяти кэгэ, – ответил я наизусть. Таблицу мер и весов (и многое другое) я изучил во время подготовки к путешествию.

– Пусть грузит тех, – Санчес показал на англоязычную компанию, – а мы потом.

Я кивнул и направился к пилоту.

– Мы полетим следующим рейсом, пропускаем их, – сообщил я лётчику.

Тот был в джинсовом костюме с засаленными рукавами, манжетами и воротником. Раннее утро было прохладным, поэтому он был застегнут на все пуговицы пиджака.

– Окей, мой друг, – ответил он, даже не оторвав взгляд от картонного планшета с прикреплёнными бумажками.

Тот час с небольшим, что мы ждали, пролетел как одна минута. Мы просто присели на неудобные скамьи и мгновенно свесили головы досыпать.

– Мой друг, – я проснулся от того, что кто-то тряс меня. С огромным трудом подняв веки и сфокусировав взгляд на мужике, облачённом с ног до головы в джинсы, я понял, что это пилот, – пора!

Я разбудил Санчеса, и мы вдвоем принялись грузить рюкзаки и коробки в самолёт. По ходу расталкивали ребят.

– Постой, мой друг, – остановил меня пилот, – это что?

– Наш багаж.

– Повторяю, не больше трёхсот фунтов на место.

– Нас девятнадцать человек вместо двадцати. Так что мы можем грузить триста фунтов коробками.

– Нет, друг мой, не можете. У меня правило простое – триста фунтов на пассажира.

– Знаете что, друг мой, – не удержался я и начал было повышать голос, – в условиях, которые вы нам высылали, сказано, что не больше трёхсот фунтов на кресло, но никак не на пассажира.

Я скинул с плеч свой рюкзак, в котором были все документы и распечатки, чтобы найти письмо от местного туроператора.

– Окей, окей, мой друг, – сменил тон пилот, – фиг с правилами, главное, чтобы развалюха выдержала. – И он показал на самолёт, в котором нам предстояло лететь.

– Выдержит! – не знаю с чего, но уверенно заявил я.

Конечно, недосып был причиной такой раздражительности.

– А что в коробках?

– Двадцатый пассажир, распиленный на куски, – с каменным лицом ответил я.

Пилот немного нервно теребил край листа, прикреплённого к его планшету.

– Сэр, пусть мы и в малом аэропорту, но у нас действуют такие же правила, как и в больших. А какое правило номер один? Мы не понимаем шуток. Будьте добры, назовите имена всех пассажиров и предъявите их «АйДи»¹³.

К счастью, строгость ограничилась проверкой паспортов. Так Иван Бродяга, разложенный в шесть коробок, долетел с нами на точку старта, хотя и не увидел марсианские пейзажи из иллюминаторов.

Пустыня не была ровной, по большей части её поверхность представляла собой рыжее тесто, слегка смятое и плохо разглаженное ленивой рукой. Та же нерадивая хозяйка оставила исполинское тесто сохнуть на открытом воздухе, отчего его испещрили малые и большие трещины. Некоторые из них тянулись, изгибаясь бесконечными тонкими змейками, другие врезались глубоко острым углом, будто вырубленные топором, встречались и такие, которые были вскопаны широкой лопатой. На дне последних в осколках зеркала отражался солнечный свет – река Колорадо и её притоки. Местами русло раскрывалось, и разлившаяся вода становилась цельным полотном, правда, довольно-таки мутным.

Глядя на извилистую ленту реки, я понимал, что всё только начинается, и мне предстоит ещё много чего... необычного.

* * *

– Взяли все свои вещи и спускаемся к реке, – объявил главный гид, подняв нас из-за столиков кафе. – Обратного мы сюда не вернёмся, разве что кто-то захочет, подобно скалолазу, карабкаться из каньона и потом, подобно мохаве, топтать по пустыне.

– А на этом аэродроме шутки допустимы?! – усмехнулся я.

– Не понял, сэр, – удивился инструктор, приподняв шляпу, словно это поможет лучше слышать. Кстати, он был в настоящей ковбойской шляпе, и не снимал её весь поход.

– Пилот, – я большим пальцем показал назад, в сторону улетевшего самолёта, – сказал, что и в больших, и в малых аэропортах шутки недопустимы, их не понимают.

– О, я понял, – улыбнулся гид, – на реке шутки тоже не всегда приветствуются. Но пока мы на берегу, можно и пошутить.

Взвалив на себя рюкзаки и коробки, мы стали спускаться по склону. Пыльный и прибитый песок пустыни сменился вязким и влажным песком пляжа.

¹³ «АйДи» – от англ. ID, сокращение от identifier – идентификатор, документ, удостоверяющий личность, к примеру, паспорт, водительское удостоверение или в Штатах номер социального страхования.

– Вам очень и очень повезло, что вы выиграли в лотерею и получили право на сплав, – начал свою речь гид, попросив нас сесть на брёвна, уложенные в качестве скамеек, – некоторые любители приключений ждут годами либо сдаются и идут к валапаям, но у тех не так круто, как у нас.

– Валапай, мохавы – это племена индейцев, – завершив перевод его слов, добавил я от себя. – Американские индейцы в своих резервациях не подчиняются законам, ни федеральным, ни местного штата, поэтому они организывают свои сплавы.

– Прежде чем приступить к инструкциям, я бы хотел представить нашу команду. Меня зовут Стивен, вы можете обращаться ко мне Стив. Я буду вашим старшим инструктором. Мои помощники – Ничи и Джейкоб.

– Яша, – не дожидаясь моего перевода, заявила Троя, – спроси его, а что такое Ничи?

– Это индейское имя, он наполовину навахо, – объяснил Стив.

Мы замолчали. Все вопросительно смотрели на Трою.

– Ничего, ничего, я придумую, – вслух думала она.

Она явно была в замешательстве. Сократить такое имя было уже некуда.

Наступило молчание. Наши ждали, чтобы Стив продолжит инструктаж, а он не понимал, закончили мы свои обсуждения или нет. Но только он заговорил, как лицо Трои прояснилось, и она безапелляционно заявила:

– Ничаво, так и назовём!

– Стив, наши ребята перевели имена твоих на русский, – со всей деликатностью, которую мне позволял мой английский, сообщил я ведущему экспедицию: – Джейкоб по-нашему Яков, уменьшительное – Яша. А уменьшительное от Ничи стало Ничаво.

– Ничавоу?! Яша?! – повторил Стив, смакуя звучание. – Оба имени смахивают на японские. Но ладно, это мы обсудим потом. Нам надо спешить, потому что сумерки у нас будут наступать раньше, чем заканчивается световой день. А до наступления темноты нам надо пришвартоваться и разбить лагерь.

Последовал резонный вопрос от Лабра:

– А почему сумерки наступают раньше?

– Потому что мы всё время будем находиться на дне ущелья, солнечные лучи перестают попадать туда уже после трёх-четырёх часов дня. Наверху светло и жарко, а внизу уже темно и прохладно. Да, кстати, вода тут жутко холодная. Но никакие гидрокостюмы и куртки-обливки вас не спасут.

– И что же делать? – спросила Фурла, поёжившись, хотя поднимающееся солнце уже пекло всюю.

– Мёрзнуть. Греться адреналином. Мы почти сразу же попадём на первые пороги. Система тут десятибалльная, местная. Сложность первых порогов будет от трёх до шести.

– Мы же не будем грести как мы привыкли – а как тут проходить пороги? Что нам делать на моторизированном рафте? Как вот эти плоты проходят препятствия? – Со всех сторон сыпались вопросы, я терпеливо переводил их один за другим.

Стив так же терпеливо отвечал:

– Ваше дело – крепко держаться за линьки там, где они не прилегают к «бананам»¹⁴, чтобы верёвки не оттяпали вам пальцы, и стараться не попадать под багажные ящики, чтобы они не раздавили вам конечности.

Под конец Стив спросил, что ещё нам неясно.

¹⁴ Банан – баллон. Плот составлен из надувных баллонов.

– Есть вопрос, – подняла руку Троя. – В нашей команде принято давать особые имена друг другу. Уверена, что твоим ребятам понравятся имена Ничаво и Яша, к тому же это просто уменьшительно-ласкательные. А вот для тебя мы ещё не придумали. Ты же не будешь возражать, если мы придумаем что-то интересное? Или ты сам нам подскажешь?

Стив не переставал смотреть Трое в лицо, даже когда я переводил её вопрос.

– Мэм, вы можете называть меня либо Стив, либо Капитан.

– Банально, – сморщила нос Троя.

Стив, чтобы найти повод оторвать взгляд от неё и отойти, скомандовал:

– На борт. Вот непромокаемые мешки, мы уже прикрепили к ним ярлычки с вашими именами, бросайте туда свои вещи. Также выдаём каждому из вас личные спальные мешки, кружку, тарелки и столовые приборы...

– КЛМН, – авторитетно сообщил Сан Саныч.

А он, оказывается, всё прекрасно понимает без перевода.

– Что вы сказали? – переспросил американец.

– Кружка, ложка, миска, нож, – расшифровали хором сразу двое или трое из наших.

Я хотел было объяснить суть, но Стив остановил меня, жестом показав на своё запястье, на которых на самом деле не было часов: мол, надо спешить.

Погрузка на плоты заняла ещё полчаса. Четверо гидов (а на борту одного из рафтов сидел четвёртый, который не вышел к нам на берег) пристёгивали большие драйбеги¹⁵ к тросам, стягивающим пять огромных баллонов в форме сигар или бананов. Затем они проверили, что мы прикрепили карабинами свои личные маленькие драйбеги и заняли безопасные места на самих баллонах или подушках-распорках. Ещё раз показали, где и как мы можем поранить руки-ноги, за что и как хвататься, что делать, если вода нас смоем – и так далее.

Наконец, мы отчалили. Место спуска на воду было ниже Лиз Ферри, где вроде как начало Гранд-Каньона, потому что на самом деле мы находились в Мраморном каньоне. По одним источникам он является частью Большого, по другим – всё-таки отдельным.

Инструкторы сидели на ящиках на корме, там же был рычаг для управления подвесным мотором. Я не знаю, можно ли было назвать его румпелем, как на простых лодках, но рулить рафтом можно было с его помощью.

¹⁵ Драйбег (от англ. drybag) – «сухой мешок» или «сухая сумка», сделанная из водонепроницаемого материала и с особым способом застёгивания.

Первый плот вёл Яша. Второй – сам Стив. Нас рассадили по десять человек на каждый. Отбора не было, просто кто куда забрался. Понятно, что пары – Лабр и Фурла, Холмс и Зена – сели вместе. Я же постарался оказаться на одном борту с Троей, для чего предложил Сан Санычу быть рядом со старшим гидом. Он второпях не разобрался с моей аргументацией, но последовал совету.

Короче, я даже сел так, чтобы видеть эту удивительную женщину. А она, в свою очередь, вместе с Зеной заняли места на поперечных дутых валиках, привязанных поверх ящиков, отчего оказались выше всех пассажиров и чуть ниже рулевого.

У всех было приподнятое настроение. Начало путешествия всегда бывает многообещающим, поэтому хочется поделиться воодушевлением и волнением со спутниками. Реплики и восклицания не прекращались.

- А моторизированный рафт быстро идёт!
- Попробуй воду, действительно холодная, как в горном ручье.
- Смотри, какая штука на сопке!
- Пока что выглядит как обычная река.
- Я бывал на Гранд-Каньоне, но только сверху видел, со смотровой площадки...

* * *

Мы шли по воде довольно-таки живо. Скоро уже пейзаж с пространством уходящей вдаль пустыни сменился всё круче и круче поднимающимися берегами. Река выгрызала себе русло, срезая берега по слоям сверху вниз. И чем дальше мы уходили от места посадки, тем больше этих слоёв становилось. Нас стали теснить каменистые склоны. Размеренная в своём беге река забеспокоилась. Урчание моторов отражалось эхом от глыб повыше и побольше.

– Интересно, а где прикольной будет проходить пороги – внизу на баллоне или тут? – обратилась ко мне Зена, кивнув в сторону гидов.

Я перевёл вопрос Яше.

– Конечно же внизу на баллонах. Вал накатывает с носа, – не без скрытого высокомерия мастера, опытного в таких делах, ответил этот парень.

Думаю, он был даже младше меня, хотя при нём я чувствовал себя мальчишкой. Стив – другое дело, ему за тридцать точно, может быть и все сорок.

Я оглянулся на рафт, шедший позади. Над ним возвышалась шляпа Стива, но разглядеть его лицо было невозможно, слишком далеко. Я его недолго видел вблизи. Он был настолько худощав и высушен, что определить возраст было невозможно, разве что по сморщенной коже на руках. Концы волос, которые выглядывали из-под шляпы, были соломенного цвета, возможно, выгоревшие на солнце.

– Ты тоже пытаешься дать ему имя? – поинтересовалась Троя, проследив мой взгляд.

– Капитану?

– Капитану... атаману... – Она вдруг приподнялась и громко затынула:

Из-за острова на стрежень,

На простор речной волны

Выплывают расписные,

Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин...¹⁶

– Передай нашему капитану, что отныне он Стенька-Атаман! – ликующе, словно решила сложную задачу, скомандовала она мне.

¹⁶ Строки из народной песни «Из-за острова на стрежень» на слова Дмитрия Садовникова.

– Кто хотел побольше впечатлений? – вдруг спросил Яша. – Спускайтесь на баллоны, мы приближаемся к первому порогу. Проверьте, что всё прочно закреплено. Внимание, «белая вода»¹⁷!

Я проорал перевод, успел прыгнуть вниз и занять место впереди, как вдруг плот заскакал, будто телега на ухабах. Впереди вода действительно вспенилась и приобрела белый цвет.

– Первый порог, четыре балла, – в один голос закричали Яша и Стив, причём мы явственно расслышали голос второго, несмотря на расстояние между рафтами.

Мы – те, кто смело устроился ближе к носу плота, – сидели где-то сантиметров на тридцать-сорок выше поверхности воды. Вдруг перед нами, стремительно набухнув, вздыбилась водная горка, примерно на уровне нашего взгляда. Плот плавно поднялся на неё, при этом мы видели только небо, потом перевалил через гребень. Второй вал, как стена, остановил было наш плот, но тот за счёт набранной скорости забрался наверх. Здесь, на вершине, визжа оказавшимися в воздухе винтами, рафт на мгновение повис, потом шумно шлёпнулся на склон волны с противоположной стороны и покатился вниз. Нас при этом обдало струями и тяжёлыми каплями холодной воды. Глаза ужасались нависшей толще воды, руки судорожно вцепились в леер¹⁸, ноги тоже пытались найти опору. Мы не успели прийти в себя, как нос плота не поднялся, а вонзился в третий вал – и нас всех, забывших про инструкцию «сидеть головой вперёд, склонив её пониже, чтобы быть обтекаемым» – тонны воды ударили в грудь и в лицо. Меня отбросило назад, отчего верёвка больно врезалась в пальцы. Рот, нос, уши промыло водой. Дыхание перехватило так, что началась внутренняя паника. Даже моргнуть было невозможно, таким грузом вода легла на веки. Мысли спутались. Время остановилось, пока мы были под водой.

И вдруг разом всё схлынуло. Я поднял ещё секунду тому назад намертво прижатую к баллону голову. Выкашлял и высморкал набившуюся в горло и ноздри воду. Оторвал спину и присел. После дыхания и зрения вернулся слух. Давала о себе знать боль в пальцах. Я поднял руки и посмотрел на ладони: на них синим и белым по телесно-красному отпечатался узор верёвки.

Рядом вставали такие же оглушённые товарищи. Мы растерянно оглядывались.

Наш выход из паралича ускорил матерный крик Хасселя и последовавшее восклицание:

– Унесло мой «хассель»!

¹⁷ Белая вода – бурная вода, покрываемая пеной.

¹⁸ Леер – трос, верёвка, оба конца которой закреплены на судовых конструкциях.

Так я получил ключ, по которому мне потом рассказали, что Хассель приобрёл свою кличку, потому что не расставался со своим фотоаппаратом крутой марки «Хассельблад». Это была не цифровая зеркалка, а среднеформатная аналоговая фотокамера. Знающие специалисты ценили её.

Вмиг все забыли о своих переживаниях и следили за тем, как Хассель подскочил к самому носу среднего «банана». Там осталась приклеенная основа, с помощью которой аппарат был прикреплен к плоту. Всё остальное отсутствовало. Кстати, рядом болталась на тросике экшн-камера «ГоуПро»¹⁹, которую сорвало с платформы. Это устройство я покупал по заданию Санчеса, успел настроить и не забыл прикрепить перед самым отплытием. Поборов желание сейчас же промотать запись и посмотреть, что удалось запечатлеть на видео, я убрал камеру. Если я верно помнил, в рюкзаке должен был оставаться ещё один комплект крепежа, чтобы заново приладить на плот эту штуку для экстремальной съёмки.

– Как же ты без своего агрегата? – посочувствовал Хасселю Сёма.

– А у меня ещё один есть, – весело ответил тот, – этот был старей. Неужели ты думаешь, что я бы так рисковал основным своим инструментом?!

– А я вот рискнул, – рассмеялся Тоха, потирая причинное место, – не вовремя ноги раздвинул, словил волну...

Для разрядки всем нужна была шутка, пусть даже «ниже пояса». Наш плот грохнул хохотом с таким упоением, что каньон вздрогнул, и редкие птицы испуганно выпорхнули из кустов.

* * *

Поначалу выброс адреналина согревал, как и шутил гид. Потом нас стало трясти от холода, ледяная вода и лёгкий ветерок пробирали до костей, зуб на зуб не попадал. Кто-то перед тем, как взобраться на борт, натянул гидрокостюм²⁰. Кто-то был в куртке-непромокайке. Большинство же послушало совета «памятки» и надели только плавки или купальники. Неопреновые²¹ вещи греют только когда ты постоянно в воде и своим телом согреваешь впитавшийся слой воды, а нас окатывало время от времени. Короче, голое тело сохло быстрее, надо было только потерпеть.

Мы только прогрелись и продолжили подсчитывать потери после первого порога – фотоаппарат Хасселя, солнечные очки у Трои и обычные у Тохи, кепка Холмса, – как Стив, который пока ещё не знал, что стал Стенькой, по рации передал что-то Яше. Тот предупредил нас громко, но не крича: «Некст рэпид»²².

– Следующий что? – уточнила у меня Зена.

– Следующий порог.

– Надо запомнить: рапид. После этого слова наступает жопа.

Меня резанула вульгарность из уст дамы. Чтобы она не увидела мою реакцию, я отвернулся и задал Яше первый попавшийся для продолжения вопрос:

– Какого уровня этот порог?

– Третьего.

– Этот должен быть полегче предыдущего, – успокоил я всех.

¹⁹ Экшн-камера «Гоу-Про» (от англ. action – действие и торговой марки GoPro) – видекамера для съёмок в условиях активного движения, занятий спортом, в экстремальных и походных условиях.

²⁰ Гидрокостюм, гидра или гидрик – защитный костюм для сохранения тепла тела за счёт частичной или полной способности не пропускать через себя воду. «Обливайка» или «непромокайка» – сухой гидрик из водонепроницаемой прорезиновой ткани. «Мокрый» гидрик – неопреновый.

²¹ Неопрен – микропористый материал на основе резины, который задерживает воду и сохраняет собственное тепло тела достаточно долгий период времени.

²² Нест рэпид (от англ. Next rapid) – следующий порог.

Но на этот раз все восприняли сообщение всерьёз. Заранее наклонились, чтобы вода не ударила в грудь. Проверили, что всё закреплено карабинами, а на теле и в руках нет ничего, что могло унести потоком.

Никто уже не обращал внимания на живописные скалы, которые всё сильнее зажимали реку, заставляя её течение ускоряться. Все напряжённо вглядывались вперёд, пытаясь предугадать начало порога. Плот подбрасывало, но он держался более-менее горизонтально. Потом вдруг резко (мы даже не успели понять, что произошло) рафт соскользнул вниз. Раздались крики – не только женские, я слышал и мужские. Падение было быстрым и коротким, мы вдруг носом шаркнули по мшистым камням внизу, потом соскочили с них и продолжили танец по бурлящей воде. Мы уже выдохнули было и выпрямили спины, как Яша заорал:

– Мы всё ещё в пороге!

Я не успел перевести, но все и так поняли, что опасность не миновала, и вмиг прильнули к плоту, ещё крепче ухватившись за его обвязку. Нас тряхнуло пару раз, но уже не так сильно. Я осмелился приподнять голову и посмотреть, как выглядит прохождение концовки порога – но за брызгами ничего не было видно.

* * *

Весь мой опыт сплавов состоял из одного похода на Алтай. Я только устроился работать к Сан Санычу, и буквально через месяц он вызвал меня:

– Как тебе у нас?

– Хорошо.

– Докладай, чо успел наваять? – Он говорил со своей фирменной улыбочкой одним краем губ.

Перфекционист во мне сразу же кинулся заменять архаичное слово на «докладывай». На нашем факультете филологии были занятия по фольклору, народной речи, диалектам и даже молодёжному сленгу. Я не углублялся в эту тематику, но даже с моим поверхностным знанием было заметно, что Сан Саныч использовал то устаревшие словечки, то простонародный говор, то жаргонизмы, и всё это без какой-либо системы. Яркий пример, который ставил меня в тупик – он то «чокал», то «шокал»: «чо успел наваять?» и тут же «шо ты сказал?»

– Проверил все страницы на веб-сайте, поправил английский вариант, перевёл на испанский и итальянский. Приступил к бумажным буклетам, – отчитался я.

– Стахановец! Но шоб ты понял, как описывать то, что мы втюхиваем клиентам, тебе надо самому это испытать. На своей шкурке! – И он подмигнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.